

УДК 271.2+272]-57(33)"04/14/18":27-786 ИППО"18"
doi: 10.21685/2072-3024-2025-3-3

О структуре и специфике различных потоков христианских паломников в Святую землю во второй половине XIX в.

А. А. Майоров

Орловский государственный аграрный университет имени Н. В. Парахина,
Орел, Россия

aamajorov@rambler.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* До сих пор в отечественных исследованиях, посвященных преимущественно тематике отечественного паломничества, уделялось относительно мало внимания особенностям его генезиса, организации, функционирования и целеполагания в сопоставлении с параллельными ему паломническими потоками иных христианских номинаций в Святую землю во второй половине XIX в. К настоящему времени собран, обработан и частично опубликован источниковый материал, позволяющий предметно рассмотреть специфические черты и особенности формирования, функционирования и организации каждого из них. Цель настоящей работы – выявление особенностей ряда крупных потоков христианских паломников рассматриваемого периода, их классификация по признаку первичного и вторичного целеполагания, особенностям организации, связи с предшествующей паломнической традицией, социальной принадлежности пилигримов. *Материалы и методы.* В работе помимо общенаучных использовались и применялись историко-генетический, диахронно-исторический, историко-компаративистский и системно-исторический методы. *Результаты.* Проведенный анализ позволил выделить для второй половины XIX в. по меньшей мере три основных потока христианского паломничества в Святую землю, очевидно отличавшихся друг от друга, – внутрисманский (состоявший, в свою очередь, из греко-православного и административно армянского), российский и европейский. Описана специфика целеполагания для каждого из потоков, выявлено позиционирование каждого из христианских паломнических потоков в отношении преемственности средневековой христианской паломнической традиции. Отмечены последствия воздействия активности российского Императорского Православного Палестинского Общества на осуществление паломничества подданными Российской империи. *Выводы.* Каждый из рассмотренных потоков христианских паломников в Святую землю имел, помимо собственно паломнических, особые специфические цели и черты: внутрисманское христианское паломничество манифестировало верноподданические чувства и подтверждало необходимость сохранения высокого внутримперского статуса своего руководства; русское паломничество было первоначально нацелено на продолжение собственных восходивших к средневековым нормам правилам и порядкам, паломнических традиций и лишь с появлением Императорского Православного Палестинского Общества начало постепенно изменяться в сторону сокращения ранее обязательных «нужд и тягот»; европейское паломничество при всем обязательном религиозном антураже выступало скорее в виде ранней формы религиозного туризма.

Ключевые слова: христианское паломничество, потоки паломников, Святая земля, целеполагание, традиции и обряды, Императорское Православное Палестинское Общество

Финансирование: настоящее исследование осуществлено в рамках выполнения государственного задания по теме «Взаимодействие Русской Православной Церкви и Императорского Православного Палестинского Общества с восточными автокефалиями в конце XIX – начале XX вв. в контексте поддержки паломничества церковнослужителей в Святую землю» (рег. № 102306140008-9-6.1.1, код научной темы, присвоенный учредителем – FEEF-2024-0005).

Для цитирования: Майоров А. А. О структуре и специфике различных потоков христианских паломников в Святую землю во второй половине XIX в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2025. № 3. С. 26–38. doi: 10.21685/2072-3024-2025-3-3

The structure and specific features of various parts of the general flow of Christian pilgrims to the Holy Land in the second half of the 19th century

A.A. Mayorov

Orel State Agrarian University named after N.V. Parakhin,
Orel, Russia

aamayorov@rambler.ru

Abstract. *Background.* For a very long time in the Russian science, little attention was paid to the comparison of the features of the genesis, organization, functioning and goal-setting of parallel flows of Christian pilgrims to the Holy Land in the second half of the 19th century. By now, source material has been collected, processed and partially published, allowing us to consider in detail the specific features and characteristics of the formation, functioning and organization of each of them. The purpose of this work is to identify the characteristics of a number of large flows of Christian pilgrims during the period under consideration, their classification according to the primary and secondary goal-setting, organizational features, connections with the previous pilgrimage tradition, and the social affiliation of the pilgrims. *Materials and methods.* In addition to general scientific methods, the work used and applied historical-genetic, diachronic-historical, historical-comparativistic and system-historical methods. *Results.* The conducted analysis allowed us to identify at least three main flows of Christian pilgrimage to the Holy Land in the second half of the 19th century, which obviously differed from each other: intra-Ottoman (which in turn consisted of Greek Orthodox and administratively Armenian), Russian and European. The specifics of goal-setting for each of the flows are described, the positioning of each of the Christian pilgrimage flows in relation to the continuity of the medieval Christian pilgrimage tradition is revealed. The consequences of the influence of the activity of the Russian Imperial Orthodox Palestine Society on the implementation of pilgrimage by subjects of the Russian Empire are noted. *Conclusions.* Each of the three main flows of Christian pilgrims to the Holy Land had, in addition to the actual pilgrimage, special specific goals and features. Intra-Ottoman Christian pilgrimage manifested loyal feelings and confirmed the need to maintain the high intra-imperial status of its leadership. Russian pilgrimage was initially aimed at continuing its own pilgrimage traditions, which dated back to medieval norms, rules and orders, and only with the emergence of the Imperial Orthodox Palestine Society did it begin to gradually change in the direction of reducing the previously obligatory “needs and burdens”. European pilgrimage, with its obligatory religious entourage, acted rather as an early form of religious tourism.

Keywords: Christian pilgrimage, pilgrim flows, Holy Land, goal setting, traditions and rituals, Imperial Orthodox Palestine Society

Financing: the work was performed within State task “Interaction of the Russian Orthodox Church and the Imperial Orthodox Palestinian Society with Eastern autocephaly in the late 19th – early 20th centuries in the context of supporting the pilgrimage of clergymen to the Holy Land” (No. 102306140008-9-6.1.1, scientific topic code assigned by the founder, FEEF-2024-0005).

For citation: Mayorov A.A. The structure and specific features of various parts of the general flow of Christian pilgrims to the Holy Land in the second half of the 19th century. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki = University proceedings. Volga region. Humanities*. 2025;(3):26–38. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2025-3-3

Во второй половине XIX в. по ряду причин наблюдается осязаемое увеличение масштабов христианского паломничества на территориях, упомянутых в Библии. Отечественные исследователи до настоящего времени вполне обоснованно значительную часть своего внимания обращают на русских паломников, начиная с последних десятилетий XVIII в. активно устремившихся в Святую землю. На долю западных паломников, активизировавшихся в Палестине и прилегающих местностях ближе к концу XIX в., пришлось ощутимо меньшая часть профессионального внимания ученых. Прочие паломники-христиане, составлявшие значительную долю пилигримов, по ряду причин лишь косвенно упоминаются в отдельных работах.

Существует различные варианты определения термина «паломничество», основанные на различии базовых подходов [1]. Автору настоящего текста представляется, что достаточно точно и непредвзято говорит об этом «Православная энциклопедия»: «Паломничество... путешествие к сакральным центрам для религ. поклонения святыням» [2, с. 338]. Определение очень широкое, охватывающее не только общехристианские, но и инокрелигиозные подходы. Вместе с тем следует помнить, что многовековая христианская практика и традиция превратили тривиальное путешествие в особый, зачастую сложный, наполненный многочисленными значимыми деталями, обязанностями и ограничениями самостоятельный ритуал [3, с. 13–27].

Внимание к вопросу паломничества представителей различных ветвей христианства способствует облегчению понимания как широты процессов, объединяемых единым термином «христианское паломничество», так и генезиса всего спектра их сходств и различий. Структурно этот формально общий поток, направлявшийся на Святую землю (или, как тогда говорили, «святые места Востока») во второй половине XIX в., может быть относительно просто разделен на три большие составные части. Первая, по разным причинам редко упоминаемая, – местное паломничество, совершавшееся христианами, проживавшими на территории Османской империи либо на землях государств, церковные власти которых находились в прямом либо косвенном административном подчинении религиозных центров, официально располагавшихся на территории Османской империи. К их числу относятся православные христиане Константинопольского (Вселенского), Александрийского, Иерусалимского и Антиохийского патриархатов. Помимо них в число христиан Османской империи входила паства Армяно-Григорианского патриархата, а также административно подчиненные ему в рамках османского законодательства прочие христиане-неармяне.

Вторая часть рассматриваемого паломнического потока – русские паломники, количество которых, начиная с момента заключения Кучюк-Кайнарджийского договора 1774 г., росло постоянно и фактически непрерывно, лишь иногда сокращаясь на время очередной из длинного ряда русско-турецких войн либо очередной эпидемии.

И третья часть – европейское паломничество с небольшим вкраплением американцев, ставшее ощутимым в последней трети XIX в. Следует особо оговориться во избежание существенного искажения общей картины, что в качестве паломников во всех случаях рассматриваются лица, не имевшие прямого отношения к миссионерской деятельности, которой занимались проповедники, миссионеры, монахи многочисленных орденов и монастырей.

Объективные характеристики каждого из потоков в отдельности дают возможность выявить значительные различия между ними. При рассмотрении «местных» христиан сразу же бросается в глаза их очевидная интегрированность в существующие внутри Османской империи административно-управленческие, а также фискальные и судебные механизмы. Как известно, «в османской империи основой юридической классификации населения была классификация по религиозной принадлежности... Имперская структура предполагала наряду с административно-территориальным и конфессиональный принцип управления» [4, с. 52]. Начиная примерно с XV в. все османские христиане входили в категорию «зимми» («охраняемых») – немусульман, находившихся под защитой «договора о подчинении и защите» [5, с. 176]. Со времен падения Константинополя в 1453 г. и возникновения Османской империи функционировало три немусульманских миллета (этно-религиозных объединения), признанных властями: греко-православный «Рум» (Millet-i Rum, Millet-i Rumîyân), армянский (григорианский) (Millet-i Ermenîyân) и еврейский. Первый включал все православное население Балкан и Малой Азии, официально подчиненное Константинопольскому православному патриархату. В состав второго, возглавляемого константинопольским армянским патриархом, входили армяне-грегориане, а также представители ряда иных христианских религиозных групп и церквей, в частности египетские копты, грузины, цыгане, ассирийцы, кавказские албанцы, яковиты, марониты, несториане и даже ряд откровенных (с точки зрения всех традиционных церквей) еретиков, к примеру павликиане и богомилы [5, с. 176; 6, р. 253; 7, с. 34, 39–41]. Третий миллет, экстерриториальный и децентрализованный иудейский, включавший романиотов, ашкеназов и сефардских евреев, находится вне сферы настоящего рассмотрения.

Главами традиционных христианских миллетов были официально признаны их религиозные лидеры, в число официальных прав и обязанностей которых в качестве утверждаемых султаном «миллетбаши» (тур. Millet başı) входило не просто окормление собственной паствы, но и обеспечение соблюдения ею действующего османского законодательства – административного, уголовного, финансового, налогового и т.д. и т.п. [5, с. 176–177]. Важная деталь: произошедшая в 1821 г. греческая революция не вытеснила в сознании подавляющего большинства османских этнических эллинов представление о своей первоочередной принадлежности именно к миллету, а не к греческой нации, в результате чего они «весьма прохладно относились

к... идее» территориального расширения Греции за счет Османской империи, «к жизни в которой их предки за несколько столетий успели приспособиться» [8, с. 195–196].

В свою очередь, в условиях, когда основные вопросы функционирования христианских миллетов в Османском государстве были урегулированы вручением в руки церковного руководства не только духовных, но и вполне материальных рычагов управления и контроля своей многочисленной паствы, а в качестве «миллетбаши» во главе миллетов находились вполне лояльные патриархи, паломничества как греко-православных, так и армяно-григориан не могли не решать две основные политические задачи [9, р. 377–396]. Первая – демонстрация преданности паломников (чем многочисленнее, тем лучше) своим духовно-светским руководителям в лице патриархов. Вторая – манифестация верноподданности всего османского христианского сообщества руководству империи, что было крайне политически важно именно в момент перманентного роста числа этнических конфликтов по всему периметру государства и откровенного нарастания внутренней конфликтности вследствие активности великих держав на протяжении XVIII–XIX вв. Фактически единственным ограничением для совершения паломничества к святым местам для этой категории христиан было получение османского аналога гибрида дорожного сбора и внутренней паспортной прописки “mürûr tezkiresi” [10, р. 357–358].

Две другие значимые паломнические группировки в соответствии с основанным на шариате османским законодательством относились к категории «мюстеменов» (получивших охранную грамоту «эман») – иностранцев, временно находившихся на исламских землях с разрешения властей. Их правовое положение отличалось от «зимми» официальной подсудностью шариатскому суду и возможностью прибегать по необходимости к защите дипломатических представителей их стран [11, с. 362–364].

Формально единый юридический статус этой категории христианских паломников в реальности корректировался для русских «внешних паломников» некоторым количеством чувствительных отличий. Принципиально важным в реализации их особого положения стал русско-османский Кучук-Карнаджийский мирный договор 1774 г., давший право русским духовным и светским лицам безопасно посещать святыне места без уплаты каких-либо платежей и сборов [10, р. 359]. В отличие от них прочие христиане-иностранцы почти не оспаривали обязанности уплаты дополнительных сборов (в частности, уже упомянутого “mürûr tezkiresi”) [10, р. 365–368]. Подобное особое положение с точки зрения современных турецких исследователей явно акцентировалось во второй половине XIX в. очевидной конкуренцией за Иерусалим между различными державами и, как следствие, их поощрительными действиями в адрес своих подданных и граждан, стимулировавшими к его посещению [10, р. 356].

Большинство европейских держав в XIX в. пошло по пути организации, помимо официальных органов, формально отделенных от государства общественных структур, главной целью которых провозглашалось изучение вопросов, связанных с Палестиной, равно как и приведение в порядок паломнической активности (британский The Palestine Exploration Fund, американские American Palestine Exploration Society, American Oriental Society,

немецкие Deutsche Morgenländische Gesellschaft, Deutscher Palastina-Verein и ряд других). В случае Российской империи в 1882 г. по инициативе великого князя Сергея Александровича и его супруги Елизаветы Федоровны, а также весьма многочисленной группы общественных деятелей, по распоряжению императора Александра III было создано Императорское Православное Палестинское Общество. Его организация стала венцом длительной и сложной череды действий большого числа государственных, церковных и общественных лиц, стремившихся как поддержать деятельность государственных и частных лиц в «святых местах Востока», так и упорядочить хлынувший из Российской империи, особенно после Великих реформ, полноводный поток русских народных паломников. Впервые в русской истории была предпринята попытка организации широчайшего паломнического («поклоннического», страннического, «молебненного» и т.д.) движения путем как просветительским, так и экономико-организационным. И, несмотря на новизну всего дела, попытка оказалась крайне успешной [12, 13].

Довольно скоро русские паломники начали очевидно выделяться из прочих паломников многочисленностью – по всей видимости, даже в сопоставлении с местными христианами. В частности, по данным на начало XX в., в 1900 г. в Иерусалим прибыло без малого почти 8 тыс. русских богомольцев, в 1910 г. из 15 тыс. паломников были русскими 9 тыс. (60 %), а на пасхальные богослужения 1913 г. прибыло уже 12 тыс. паломников из России [14, р. 183–184]. Количество православных паломников из России было явно выше, нежели из других стран, что турецкие исследователи справедливо объясняют деятельностью организаций, поддерживаемых Российским государством [10, р. 357, 373–374].

Кардинально различался социальный состав европейских и русских паломников. Основу контингента западных паломников составляли относительно либо вполне состоятельные люди, способные без ущерба для своего текущего положения потратить немалые средства ради длительного путешествия на малоосвоенную с точки зрения привычного бытового комфорта территорию. Судя по описаниям, это были в основном мужчины среднего и старшего возраста, относительно хорошего здоровья, обладавшие устойчивым экономическим положением, образованные, изучавшие библейские тексты, желавшие попасть в места, в них описанные, и готовые потратить немалые личные суммы для посещения Святой земли [10, р. 361]. Зарубежные и отечественные исследователи, свидетели-мемуаристы также подтверждают весьма благополучный социальный и финансовый статус европейских паломников, приезжавших из Франции и Германии отнюдь не на последние деньги [15; 16, с. 133–134; 17].

Безусловно, не все из них были богаты и щедры. В частности, турецкие архивы сохранили упоминание об австрийской группе из 500 паломников, которые просили освободить их от уплаты *mürûr tezkiresi* вследствие ощутимой бедности, на что был получен однозначно отрицательный ответ от османских властей [10, р. 365]. Подобные ситуации были отнюдь не единичны, но, в целом, устойчивость материального положения европейских паломников сомнений не вызывала.

Напротив, общее материальное положение и финансовая состоятельность подавляющего большинства паломников из России приводила осман-

ских чиновников в полное недоумение вследствие их откровенной бедности и нужды [10, р. 361]. У ряда исследователей вызывала удивление очевидная готовность русских пилигримов переносить тяготы, нужды и страдания далекого пути только ради возможности оказаться на землях, бывших свидетелями земного подвига Спасителя [15, р. 27–76, 135–306]. Многими отмечается, что большинство среди русских православных паломников представляли собой группы крестьянского происхождения, которые, как правило, были довольно стары по возрастному составу. Значительная часть членов этих групп якобы приходили в Палестину с желанием умереть: в основном они имели не очень хорошее здоровье, были неграмотны, а их бедность была очевидна всякому наблюдателю [10, р. 361].

Современные зарубежные исследователи в качестве одной из возможных причин, объясняющих столь странный состав для них русских паломников, рассматривают некие особенности мировоззрения православных христиан, которые, по их мнению, постоянно готовятся к смерти и были бы рады закончить свой земной путь именно во время паломничества на Святую землю, что должно было якобы привести их души к обязательному посмертному спасению в раю либо же способствовать возможному излечению от болезней, помощи в поиске супруга, рождению детей и росту материального благополучия [10, р. 362–367; 18, р. 132–133; 19, р. 108–112]. Подобным же размышлениям предавались и русские образованные соотечественники, писавшие о страждущих, бедных, измученных и даже асоциальных типах, типажах и представителях разных категорий русских паломников. Многими отмечалась многочисленность женщин-паломниц, абсолютно не свойственная ни западной, ни восточной традициям [13, с. 317, 326; 20; 21].

Не вдаваясь в подробное перечисление конкретных цифр, пусть иногда и противоречивых, следует признать очевидную специфичность русского паломнического потока в Святую землю. Любопытно, что уже в XIX в. имелись весьма многочисленные исследовательские и описательные работы, повествующие о «поклоннических» обычаях и привычках, бытовавших внутри Российской империи [22–24]. Даже иностранные свидетели отмечали чрезвычайную ритуализированность даже простейших действий русских паломников, их постоянное обращение к библейским событиям, индивидуальные и общие молитвы, бдения, инициативные поиски тайного и священного значения в любых, порой даже совершенно тривиальных вещах и т.д. и т.п. [25, с. 67–71, 78–94]. А потому современный исследователь, по всей видимости, должен был установить, в какой степени проявляемые в Святой земле практики были типичны для русских паломников внутри России. Сразу же могло быть выявлено их практически полное соответствие.

Имеющаяся литература указывает на существование длительной и практически непрерывной русской паломнической традиции со времен начала христианизации еще Древней Руси [26, с. 188–209; 27; 28]. В условиях невозможности для подавляющего большинства православных русских людей совершения паломничества в Святую землю была создана и активно функционировала на протяжении столетий оригинальная русская паломническая система и традиция [28, 29]. Нормы, обычаи, привычки и традиции русского странничества, в отличие от Западной и Центральной Европы, оказались фактически не затронуты Ренессансом и Реформацией, а также последующей

чередой различного рода революционных потрясений, что привело к очевидной консервации многих традиционных христианских норм и практик, особо архаичных ввиду их бытования в широкой среде низкостатусных народных масс – крестьян, мещан, низшего приходского духовенства [30]. Помимо того, внутри страны за столетия сформировались оригинальные привычки, обыряды и обычаи, очевидно выделявшие русских православных пилигримов [31, с. 152].

Сложившиеся на основе средневековых норм и обычаев правила предполагали необходимость уподобления пути паломника крестному пути Спасителя – со всем его смирением, страданиями, терпеливым переживанием боли и унижений на пути к Вознесению. Все русские «молельщики» должны были хотя бы внешне соответствовать высокой степени аскезы и духовности, тем более покорной воле Божьей в местах земной жизни Иисуса Христа [3, 8]. Довольно часто даже использование любого транспорта и наличие элементарных удобств воспринимались в качестве отступления от сложившихся норм поведения и общественных требований. Современные исследования общероссийских и региональных особенностей паломнического движения позволяют говорить о его крайне широком распространении, доводившем единовременную численность русских «поклонников» в XIX в. до десятков и сотен тысяч человек. Столь многочисленное движение при первой же возможности не могло не выплеснуться за пределы Российской империи в стремлении достигнуть мест, связанных с жизнью Спасителя, породив очень специфичный облик и образ русского паломника, запечатленный современниками всех возможных финансовых, религиозных и социальных статусов [32; 33, с. 347].

Таким образом, рассмотрение активизировавшегося во второй половине XIX в. общего массива христианского паломничества на Святую землю, главной целью которого являлось поклонение общим христианским святыням и реликвиям, позволяет отчетливо выделить не менее трех основных его потоков, явно выделявшихся как по своему национальному составу и по содержанию наполнению, так и по ощутимо отличавшейся ритуальной части.

Первый – внутриосманское христианское паломничество, состоявшее из представителей «Румского» и «Ерменианского» миллетов, при внешней несхожести выполнявших примерно одинаковые религиозно-административные функции, нацеленные в первую очередь на сохранение, укрепление и манифестацию верноподданических чувств своих паств, а также на подтверждение необходимости сохранения высокого внутриимперского статуса своих «миллетбаши» (т.е. соответствующих патриархов).

Второй – русское православное паломничество, пронизанное многочисленными и специфическими обычаями, нормами и правилами, сформировавшимися в многовековую оригинальную русскую паломническую традицию, проявления которой стали весьма необычными и даже неожиданными не только для иностранцев, но и во многом даже для образованной европеизированной части русского общества. Учреждение Императорского Православного Палестинского Общества очевидно начало процесс его быстрой модернизации и приближения к реализации современных возможностей [34].

Третий – европейское (и в крайне малой степени американское) паломничество, восстановленное после длительного перерыва, продолжавшегося

фактически несколько веков и основанное на европейских нормах, взглядах и привычках, сформированных в европейских социумах после крайне длинного и глубокого ряда культурных, религиозных, образовательных, социальных и политических реформ. По всей видимости именно европейское паломничество того периода наиболее близко современному понятию «религиозный туризм», в отличие от прежних средневековых христианских представлений, разделившему этапы паломничества на менее значимый «путь» и собственно поклонение святыням.

Список литературы

1. Bellefeuille-Frost M. "Pilgrimage", St. Andrews Encyclopaedia of Theology / ed. by Brendan N. Wolfe [et al.]. URL: <https://www.saet.ac.uk/Christianity/Pilgrimage> (дата обращения: 19.10.2024).
2. Православная энциклопедия : в 75 т. Т. 54. Павел – пасхальная хроника / под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М. : Православная энциклопедия, 2019. Т. 54. 752 с.
3. Калужникова Е. А. Паломничество как ритуал // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2006. № 47, вып. 12. С. 13–27.
4. Олюнин С. Имперские структуры управления и этноконфессиональные общины в Османском султанате // Журнал международного права и международных отношений. 2012. № 1. С. 50–56.
5. Карташян А. З. Османская политика в отношении этноконфессиональных меньшинств как модель управления полиэтническим и поликонфессиональным обществом // Казанский педагогический журнал. 2015. № 6. С. 175–180.
6. Stamatopoulos Dimitrios. From Millets to Minorities in the 19th – Century Ottoman Empire: an Ambiguous Modernization // Citizenship in Historical Perspective / S. G. Ellis, G. Hålfadanarson, A. K. Isaacs. Pisa : Edizioni Plus – Pisa University Press, 2006. P. 253–273.
7. Карташян А. З. Армянский миллет в Османской империи до 1870-х гг.: история изучения в России и за рубежом // История востоковедения: традиции и современность : материалы II Всерос. школы-конференции / отв. ред. И. Х. Миняжетдинов ; М. А. Пахомова ; Отдел аспирантуры ИВ РАН. М. : Ин-т востоковедения РАН, 2015. С. 34–48.
8. Петрунина О. Е. К вопросу о национальной самоидентификации греков в эпоху революции 1821 года // Каптеревские чтения – 11 : сб. ст. / отв. ред. М. В. Бибииков. М. : ИВИ РАН, 2013. С. 192–196.
9. Burcu Taşkın. Osmanli imparatorluğu'nda gayrimüslim tebaa'nin yönetimi ve yönetimdeki gayrimüslimler // Sessiz Gemi-Bilal Eryılmaz'a Armağan, Cilt II. İstanbul : Marmara Belediyeler Birliği Kültür Yayınları, 2021. P. 377–396.
10. Gölpınar Asuman 2019 – Gölpınar Asuman. Kudüs'e gelen rus hacıların mürûr tezkiresi meselesi // Journal of Islamic jerusalem Studies. 2019. Vol. 19 (3). P. 355–374.
11. История Османского государства, общества и цивилизации : в 2 т. Т. 1: История Османского государства и общества / под ред. Э. Ихсаноглу ; Исследовательский центр исламской истории, искусства и культуры (IRCICA) ; пер. В. Б. Феоновой ; под ред. М. С. Мейера. М. : Вост. лит., 2006. 602 с.
12. Лисовой Н. Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. / Рос. акад. наук ; Ин-т рос. истории ; Император. палестин. о-во. М. : Индрик, 2006. 510 с.
13. Хитрово В. Н. Какими путями идут русские паломники в Святую землю // Сообщения Императорского Православного Палестинского общества. 1901. № 3. С. 303–327.

14. Stavrou Theofanis George. Russian interests in Palestine 1882–1914. A study of religious and educational enterprise. Thessaloniki : Institute for Balkan studies, 1963. 250 p.
15. Graham Stephen. With the Russian Pilgrims to Jerusalem. London : Macmillan and co., limited, 1913. 306 p.
16. Энциклопедия Императорского Православного Палестинского Общества: 1882–2022 гг. 140-летию ИППО посвящается / сост., ред. и пред. С. Ю. Житенёва. М. : Индрик, 2022. 956 с.
17. Житенев С. Ю. Паломничество как религиозное наследие (часть 2) // Журнал Института Наследия. 2015. № 2. URL: <https://nasledie-journal.ru/ru/journals/3/23.html> (дата обращения: 09.09.2024).
18. Bar D., Cohen-Hattab K. A. New Kind of Pilgrimage: The Modern Tourist Pilgrim of Nineteenth Century and Early Twentieth Century Palestine // Middle Eastern Studies. 2003. Vol. 39, № 2. P. 131–148.
19. Bowman Glenn W. Christian ideology and the image of a holy land: the place of Jerusalem pilgrimage in the various Christianities // Contesting the Sacred: The Anthropology of Christian Pilgrimage. Eugene, Oregon : Wipf and Stock, 2013. P. 98–121.
20. Белякова Н. А. Женское паломничество в условиях глобальных трансформаций на Ближнем Востоке, или Как затерявшиеся на Святой земле паломницы оказались в сфере интересов Советского государства // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12, вып. 8 (106). URL: <https://bogoslav.ru/article/6174122> (дата обращения: 29.09.2024).
21. Мансуров Б. Православные поклонники в Палестине. 1858 г. СПб. : Тип. Морского Министерства, 1858. 106 с.
22. Максимов С. В. Бродячая Русь Христа-ради. СПб. : Тип. тов-ва «Общественная польза», 1877. 467 с.
23. Миллер В. Ф. К бытине о сорока каликах со каликою // Журнал Министерства народного просвещения. 1899. № 7. С. 465–500.
24. Прыжов И. Нищие на святой Руси. Материалы для истории общественного и народного быта в России. Казань : Тип. Л. П. Антонова, 1913. 83 с.
25. Безобразов П. Английский путешественник о русских паломниках // Сообщения Императорского Православного Палестинского общества. 1914. Т. XXV, вып. I (январь – март). С. 66–94.
26. Срезневский И. И. Русские калики древнего времени // Записки Императорской Академии наук. 1862. Т. 1, кн. 2. С. 188–209.
27. Пыпин А. Н. Древнерусское паломничество. СПб. : Издание Императорского православного палестинского общества, 1896. 77 с.
28. Житенев С. Ю. История русского православного паломничества в X–XVII веках. М. : Индрик, 2007. 480 с.
29. Поплавская Х. В. Паломничество, странноприимство и почитание святынь (по материалам Рязанского края) // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков: Итоги этнографических исследований. М. : Наука, 2001. С. 251–300.
30. Майоров А. А. Традиции паломнического движения в России как одна из основ успешного становления Императорского Православного Палестинского общества // Вестник государственного и муниципального управления. 2024. Т. 13, № 4. С. 101–114.
31. Громыко М. М., Буганов А. В. О воззрениях русского народа / Ин-т этнологии и антропологии РАН. М. : Паломник, 2000. 543 с.
32. Бушуева С. В. Паломничество и его особенности в русской истории // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2008. № 4. С. 127–131.
33. Бернштам Т. А. Приходская жизнь русской деревни: Очерки по церковной этнографии. СПб. : Петербургское востоковедение, 2005. 416 с.
34. Бокатов А. Ю. Эволюция образа православного паломника в российской периодике второй половины XIX в. // Вестник славянских культур. 2020. Т. 56. С. 30–44.

References

1. Bellefeuille-Frost M. "Pilgrimage", *St. Andrews Encyclopaedia of Theology*. Available at: <https://www.saet.ac.uk/Christianity/Pilgrimage> (accessed 19.10.2024).
2. Patriarch Alexy II of Moscow and All Russia (ed.). *Pravoslavnaya entsiklopediya: v 75 t. T. 54.: Pavel – paskhal'naya khronika = Orthodox Encyclopedia: in 75 volumes. Volume 54: Paul – Easter Chronicle*. Moscow: Pravoslavnaya entsiklopediya, 2019;54:752. (In Russ.)
3. Kaluzhnikova E.A. Pilgrimage as a ritual. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2, Gumanitarnye nauki = Proceedings of Ural State University. Series 2, Humanities*. 2006;(47):13–27. (In Russ.)
4. Olyunin S. Imperial governance structures and ethno-confessional communities in the Ottoman Sultanate. *Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnosheniy = Journal of International Law and International Relations*. 2012;(1):50–56. (In Russ.)
5. Kartashyan A.Z. Ottoman policy towards ethno-confessional shadows as a model of governance of a multi-ethnic and multi-confessional society. *Kazanskiy pedagogicheskiy zhurnal = Kazan pedagogical journal*. 2015;(6):175–180. (In Russ.)
6. Stamatopoulos Dimitrios. From Millets to Minorities in the 19th – Century Ottoman Empire: an Ambiguous Modernization. *Citizenship in Historical Perspective*. Pisa: Edizioni Plus – Pisa University Press, 2006:253–273.
7. Kartashyan A.Z. The Armenian Millet in the Ottoman Empire until the 1870s: a history of research in Russia and abroad. *Istoriya vostokovedeniya: traditsii i sovremennost': materialy II Vseros. shkoly-konferentsii = History of oriental studies: traditions and modernity: proceedings of the 2nd All-Russian school conference*. Moscow: In-t vostokovedeniya RAN, 2015:34–48. (In Russ.)
8. Petrunina O.E. On the issue of national self-identification of the Greeks during the 1821 revolution. *Kapterevskie chteniya – 11: sb. st. = Kapterev Readings – 11: collected articles*. Moscow: IVI RAN, 2013:192–196. (In Russ.)
9. Burcu Taşkın. Osmanlı imparatorluğu'nda gayrimüslim tebaa'nin yönetimi ve yönetimdeki gayrimüslimler. *Sessiz Gemi-Bilal Eryılmaz'a Armağan, Cilt II*. İstanbul: Marmara Belediyeler Birliği Kültür Yayınları, 2021:377–396.
10. Gölpınar Asuman 2019 – Gölpınar Asuman. Kudüs'e gelen rus hacilarin mürûr tezkiyesi meselesi. *Journal of Islamic jerusalem Studies*. 2019;19(3):355–374.
11. Ikhsanoglu E. (ed.). *Istoriya Osmanskogo gosudarstva, obshchestva i tsivilizatsii: v 2 t. T. 1: Istoriya Osmanskogo gosudarstva i obshchestva = History of the Ottoman State, Society and Civilization: in 2 volumes. Volume 1: History of the Ottoman State and Society*. Moscow: Vost. lit, 2006:602. (In Russ.)
12. Lisovoy N.N. *Russkoe dukhovnoe i politicheskoe prisutstvie v Svyatoy Zemle i na Blizhnem Vostoke v XIX – nachale XX v. = Russian spiritual and political presence in the Holy Land and the Middle East in the 19th – early 20th centuries*. Moscow: Indrik, 2006:510. (In Russ.)
13. Khitrovo V.N. What routes do Russian pilgrims take to the Holy Land? *Soobshcheniya Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo obshchestva = Messages from the Imperial Orthodox Palestine Society*. 1901;(3):303–327. (In Russ.)
14. Stavrou Theofanis George. *Russian interests in Palestine 1882–1914. A study of religious and educational enterprise*. Thessaloniki: Institute for Balkan studies, 1963:250.
15. Graham Stephen. *With the Russian Pilgrims to Jerusalem*. London: Macmillan and co., limited, 1913:306.
16. *Entsiklopediya Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva: 1882–2022 gg. 140-letiyu IPPPO posvyashchaetsya = Encyclopedia of the Imperial Orthodox Palestine Society: 1882–2022 dedicated to the 140th anniversary of the IOPS*. Compilation, editing, and preface by S.Yu. Zhitenyov. Moscow: Indrik, 2022:956.

17. Zhitenev S.Yu. Pilgrimage as a religious heritage (part 2). *Zhurnal Instituta Naslediya = Heritage Institute Journal*. 2015;(2). (In Russ.). Available at: <https://nasledie-journal.ru/journals/3/23.html> (accessed 09.09.2024).
18. Bar D., Cohen-Hattab K.A. New Kind of Pilgrimage: The Modern Tourist Pilgrim of Nineteenth Century and Early Twentieth Century Palestine. *Middle Eastern Studies*. 2003;39(2):131–148.
19. Bowman Glenn W. Christian ideology and the image of a holy land: the place of Jerusalem pilgrimage in the various Christianities. *Contesting the Sacred: The Anthropology of Christian Pilgrimage*. Eugene, Oregon: Wipf and Stock, 2013:98–121.
20. Belyakova N.A. Women's pilgrimage in the context of global transformations in the Middle East, or how pilgrims lost in the Holy Land found themselves in the sphere of interest of the Soviet State. *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal «Istoriya» = Electronic scientific and educational journal "History"*. 2021;12(8). (In Russ.). Available at: <https://bogoslav.ru/article/6174122> (accessed 29.09.2024).
21. Mansurov B. *Pravoslavnye poklonniki v Palestine. 1858 g. = Orthodox worshipers in Palestine. 1858*. Saint Petersburg: Tip. Morskogo Ministerstva, 1858:106. (In Russ.)
22. Maksimov S.V. *Brodyachaya Rus' Khristaradi = Wandering Russia for Christ's sake*. Saint Petersburg: Tip. tov-va «Obshchestvennaya pol'za», 1877:467. (In Russ.)
23. Miller V.F. To the epic about forty pilgrims with a pilgrim. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya = Journal of the Ministry of Public Education*. 1899;(7):465–500. (In Russ.)
24. Pryzhov I. *Nishchie na svyatoy Rusi. Materialy dlya istorii obshchestvennogo i narodnogo byta v Rossii = Beggars in Holy Russia: Materials for the History of Social and Folk Life in Russia*. Kazan: Tip. L.P. Antonova, 1913:83. (In Russ.)
25. Bezobrazov P. An English traveler about Russian pilgrims. *Soobshcheniya Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo obshchestva = Essays from the Imperial Orthodox Palestine Society*. 1914;XXV(I):66–94. (In Russ.)
26. Sreznevskiy I.I. Russian pilgrims of ancient times. *Zapiski Imperatorskoy Akademii nauk = Notes of the Imperial Academy of Sciences*. 1862;1(bk. 2):188–209. (In Russ.)
27. Pypin A.N. *Drevnerusskoe palomnichestvo = Old Russian pilgrimage*. Saint Petersburg: Izdanie Imperatorskogo pravoslavnogo palestinskogo obshchestva, 1896:77. (In Russ.)
28. Zhitenev S.Yu. *Istoriya russkogo pravoslavnogo palomnichestva v X–XVII vekakh = The history of Russian Orthodox pilgrimage in the 5th – 17th centuries*. Moscow: Indrik, 2007:480. (In Russ.)
29. Poplavskaya Kh.V. Pilgrimage, hospitality, and veneration of shrines (by the materials of Ryazan region). *Pravoslavnaya zhizn' russkikh krest'yan KhIKh–KhKh vekov: Itogi etnograficheskikh issledovaniy = Orthodox life of Russian peasants of the 19th – 20th centuries: Results of ethnographic research*. Moscow: Nauka, 2001:251–300. (In Russ.)
30. Mayorov A.A. The traditions of the pilgrimage movement in Russia as one of the foundations for the successful development of the Imperial Orthodox Palestine Society. *Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya = Bulletin of State and Municipal Administration*. 2024;13(4):101–114. (In Russ.)
31. Gromyko M.M., Buganov A.V. *O vozzreniyakh russkogo naroda = On the views of the Russian people*. Moscow: Palomnik, 2000:543. (In Russ.)
32. Bushueva S.V. Pilgrimage and its features in Russian history. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo = Bulletin of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod*. 2008;(4):127–131. (In Russ.)
33. Bernshtam T.A. *Prihodskaya zhizn' russkoy derevni: Ocherki po tserkovnoy etnografii = Parish life in the Russian village: essays on church ethnography*. Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2005:416. (In Russ.)
34. Bokotov A.Yu. The evolution of the image of the Orthodox pilgrim in Russian periodicals of the second half of the 19th century. *Vestnik slavyanskikh kul'tur = Bulletin of Slavic Cultures*. 2020;56:30–44. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Анатолий Александрович Майоров

доктор исторических наук,
исполняющий обязанности
заведующего кафедрой истории,
философии и русского языка,
Орловский государственный аграрный
университет имени Н. В. Парахина
(Россия, г. Орел, ул. Генерала Родина, 69)

E-mail: aamajorov@rambler.ru

Anatoliy A. Mayorov

Doctor of historical sciences,
acting head of the sub-department
of history, philosophy and the Russian
language, Orel State Agrarian University
named after N.V. Parakhin
(69 Generala Rodina street, Orel, Russia)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 28.05.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 17.06.2025

Принята к публикации / Accepted 29.06.2025